

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

УДК 101.1

Н. А. Иванова

ОСОБЕННОСТИ И «ХИТРОСТИ» ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГАБИТУСА НАУКИ

Ставится задача выявить особенности лингвистического габитуса науки посредством ответа на ряд вопросов, а именно: как он соотносится с реальной научной практикой, в чем его специфика и каковы механизмы формирования? Автор утверждает, что, во-первых, существует зазор между лингвистическим габитусом науки и самой научной практикой, во-вторых, характерными чертами научного лингвистического габитуса является интертекстуальность, экспрессивность и диалогичность, и в-третьих, механизм динамики лингвистического габитуса науки может быть описан на основе теорий П. Бурдьё и У. Лабова.

Ключевые слова: научная практика, лингвистический габитус науки, интертекстуальность, экспрессивность, диалогичность.

Современная философская рефлексия в ее неклассической форме в значительной степени направлена на изучение связи языка и социальных практик. Поэтому, отдавая должное лингвистическому повороту и исходя из трактовки субъекта научной практики как совокупности диспозиций, цель данного исследования – выявить особенности и «хитрости» лингвистического габитуса науки. Под научным лингвистическим габитусом понимается один из наборов диспозиций субъекта научной практики, приобретенный в конкретном социально-историческом контексте с учетом особенностей его носителя, отражающий языковую принадлежность ученого к той или иной традиции (образовательной, дисциплинарной, национальной, культурной). Обращение к понятию «научный лингвистический габитус» становится возможным благодаря внелингвистической перспективе анализа языка, которая противостоит положению о самодостаточности языка и возможности объяснения его многообразия вне обращения к деятельности субъекта.

В отношении анализа лингвистического габитуса науки правомерными представляются следующие вопросы: как он соотносится с реальной научной практикой, какова его специфика и особенности формирования? Что касается первого вопроса, то лабораторные исследования науки вслед за философией и историей науки зафиксировали несоответствие между тем, что ученые делают, когда наблюдают, проводят эксперименты и измерения, совершают ошибки, интерпретируют даты, составляют модели и формулируют теории, и тем, как они представляют проделанную работу в выступлениях, статьях, книгах и учебниках, т. е. в языке. Дру-

гими словами, одним из результатов посткуновских социальных исследований науки явилась фиксация различий между тем, «что ученые делают», и «тем, что они говорят о сделанном» [1, с. 311]. Исследователи обычно не говорят о том, как они получили результаты, их задача встроить результаты своей деятельности в сеть аргументов и причин. В самом общем виде это несоответствие можно считать частным случаем проблемы отношения языка и мышления, решение которой в философской традиции имеет ряд ответов. В первом случае утверждается, что когнитивные процессы в большей степени обходятся без участия языка, и только результаты познания приобретают языковую форму. Второй вариант ответа допускает возможность тождества мышления и языка. И наконец, связь мышления и языка предполагает intersubjectивную аргументацию, которая есть результат процесса коммуникации [2, с. 492]. В отношении науки констатация несоответствия между тем, что ученые делают, и тем, что они говорят, не является новой, на его существование в 30-х гг. XX в. обратил внимание ведущий представитель неопозитивизма Г. Рейхенбах, описав его как различие между «контекстом открытия» и «контекстом обоснования». А спустя четверть века П. Медавар, сформулировав вопрос «является ли научная работа мошенничеством?», подчеркнул несоответствие между процессом мышления ученого и его конечной репрезентацией [3]. П. Медавар утверждает, что научные тексты являются «мошенничеством», так как дают неправильное представление о реальном мыслительном процессе, который приводит к научному открытию. При этом он полагает, что ученые делают это намеренно, а в качестве ответа

на вопрос, каковы причины, ссылается на философскую традицию, а именно индуктивную модель научного знания, которой ученые стремятся подражать. Будучи сторонником гипотетико-дедуктивной модели, Р. Медавар отмечает, что ученые начинают с догадок, гипотез и ожиданий, которые впоследствии подвергаются испытаниям. В отличие от Г. Рейхенбаха, который отрицал возможность установления соответствия между контекстом открытия и контекстом обоснования в силу принципиального различия задач, П. Медавар полагает, что результаты могут и должны отражать практику мышления ученых. Лабораторные исследования позволили по-новому взглянуть на несоответствие между фактической научной работой и ее экспозицией в результатах [4]. Во-первых, было установлено, что философская методология не является основанием реальной практики науки, а конечный результат в форме текста не сохраняет временной порядок и реальную последовательность научно-исследовательского процесса. И если ранние исследования науки были мотивированы различием, указанным Г. Рейхенбахом, и апеллировали к моделям научного знания К. Поппера, И. Лакатоса и Т. Куна, то представители социальных исследований науки более не связывают свои результаты с апробацией философско-методологических моделей. Научный дискурс предстает как имеющий прагматический характер: он призван в первую очередь убедить своих коллег и направлен на поиск сторонников и союзников. Языковая практика ученых основана на заявлениях, характер которых зависит от адресата (редакторов журналов, общественности, бизнеса и власти). Однако это не отменяет того факта, что основным адресатом научного текста являются коллеги, и поэтому его основная эпистемологическая задача – продемонстрировать сильнейшую структуру аргументов в ее систематической форме. Таким образом, в современных условиях философы, историки и социологи признают существование несоответствия между тем, что ученые делают, и тем, как это представлено в научных текстах; также они согласны с тем, что это несоответствие является результатом сознательных действий ученых, обусловленных целями представления результатов различным аудиториям.

Переходя к вопросу о специфике лингвистического габитуса науки следует, во-первых, признать, что язык науки – это «сложное, внутренне дифференцированное многослойное образование, строение и функционирование которого определяется задачами формирования, трансляции и развития научного знания» [5, с. 509]. Во-вторых, в настоящее время идея идеального языка науки, популярная в аналитической традиции благодаря Г. Фреге и предполагающая возможность установления од-

нозначной связи между знаком, смыслом и денотатом, все чаще подвергается критике, так как в ситуации естественных языков эта связь постоянно нарушается, однако может поддерживаться искусственно (например в компьютерных языках). При этом сохраняет себя стремление языка науки к предельной точности и ясности понятий и символов, их взаимосвязи и соответствию с чувственными данными, на которое указал А. Эйнштейн [5]. Возможно, стремление к жесткой связи между знаком и его значением есть проявление телеологической природы языка науки, указание на его бесконечное совершенствование. В-третьих, сегодня при описании специфики языка науки принято опираться на идеи Ж. Лиотара и его трактовку научного знания. Основатель постмодернизма, как известно, вслед за Л. Витгенштейном трактует научное знание как языковую игру, особенность которой состоит в использовании в первую очередь денотативных высказываний. Однако то обстоятельство, что научное знание есть производное от знания нарративного, означает присутствие в нем как перформативных, так и экспрессивных высказываний, и тогда основное отличие научного языка от естественного состоит в задаче его легитимации [6, с. 69].

Среди тех, кто в своих работах затрагивал вопрос о специфике речевых актов, присущих науке, следует отметить позицию Р. Харре, который утверждает, что их основу составляет вера, рассчитанная на доверие [7]. Последнее не является результатом лишь эмпирической индукции, а обусловлено в первую очередь позицией говорящего. Р. Харре обращает внимание на особую функцию в лингвистическом габитусе местоимения «мы», которое, во-первых, указывает на принадлежность автора к определенной корпорации, во-вторых, демонстрирует интеллектуальную скромность и отказ от эгоцентрической позиции, в-третьих, призвано обеспечить присутствие адресата (использование местоимения «мы», как правило, с глаголами подчеркивает совместное активное участие в получении результатов). Когда же из речи устраняется все субъективное, возникает эффект «фактической точности» – положения дел независимого от каких бы то ни было человеческих воздействий. Процесс, благодаря которому эпистемологические высказывания отождествляются с фактической точностью, как раз и описан в лабораторных исследованиях. Изначально результаты научных исследований появляются с указанием автора, места и времени их производства, а также с указанием на использованные оборудование и методики. Затем эти аспекты опускаются, и научный факт предстает как не имеющий контекста [8]. Следовательно, особенностью научного габитуса является стрем-

ление избегать разного рода модальностей, таких как «может быть», «возможно», а также использования особых языковых средств: «результаты показали...», «проведенное исследование позволяет сделать вывод...» и т. п. Использование этих модальностей, с одной стороны, отражало бы реальную идиосинкразу (своеобразное смещение) и осцилляцию (колебание) оснований выбора научных стратегий, с другой стороны, их отсутствие позволяет представить методологию и результаты практики науки как универсально значимые. Однако эта особенность (воздержание от модальностей) становится менее явной в случае устной риторики, демонстрирующей вариативность степени определенности и неопределенности реальной научной практики. Это зафиксировали исследования Т. Пинча, показавшие, что уровень определенности зависит от контекста: в определенных условиях ученые склонны более высоко оценивать степень согласия и уверенности в полученных результатах, в других признают сомнение и неопределенность. Эта «гибкость» проявляется также в оценке своих и чужих результатов [9].

В отечественной традиции особенности научного языка и дискурса являются предметом специального исследования в работах филологов, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что лингвистический габитус науки характеризуется интертекстуальностью, диалогической полемичностью, экспрессивностью и метафоричностью.

Известно, что понятие «интертекстуальность» введено Ю. Кристевой в результате критики работ М. Бахтина. Оно означает, что текст рассматривается как система, которая «соотносится с окружающей средой», т. е. в авторском тексте присутствуют тексты предшественников и современников, с которыми автор находится в постоянном диалоге. Ю. Кристева указывает на бессознательную природу интертекстуальности, трактуя ее как процесс спонтанной деятельности. Французская исследовательница ссылается на Ж. Женетт, которая определяет интертекстуальность как «со-присутствие» в тексте других текстов в форме цитирования, заимствований, парафраза, переработки тем, плагиата, аллюзий и др. В результате научный текст предстает как реакция на предшествующие и современные тексты. Однако интертекстуальность не может быть объяснена лишь сведением текста к его источкам, так как предполагает их творческую реконфигурацию, обладающую перформативным эффектом. О последнем Ю. Кристева, пишет, рассуждая о перспективах развития гуманитарных наук и полагая, что со временем «общество все яснее и яснее станет понимать, что научный дискурс не тождествен символизации, что он является не *отражающим*, а *созидающим* типом практики»

[10, с. 82]. В целом же интертекстуальность наиболее явно демонстрирует единство индивидуально и коллективного, сознательного и бессознательного, коммуникативного и действенного. Что касается отечественной традиции, то в ней также признается, что, подобно другим лингвистическим формам, научный лингвистический габитус носит интертекстуальный характер, под которым понимается наличие связи между научными текстами, благодаря которой они взаимодействуют друг с другом. При этом в науке интертекстуальность является не столько необходимым свойством научного языка, сколько способом порождения научного дискурса. В интертекстуальном взаимодействии могут быть вычленены две стороны – лингвистическая (формально-языковая) и экстралингвистическая (содержательно-смысловая), сочетание которых обуславливает вариативность и многообразие способов и средств реализации интертекстуальности языкового габитуса науки [11]. Кроме того, интертекстуальность в науке реализуется на двух уровнях: внутридискурсном (в рамках одного дискурса) и междискурсном (в пределах единого смыслового пространства между разными дискурсами). Примером последнего может служить метафора «зон обмена» П. Галисона, в которых происходит не столько перевод между различными языками, сколько возникают специализированные жаргоны, гибридные языки – креолы, которые традиционно изучаются антропологами [12]. Другими словами, когда взаимодействуют, например, химики и биологи, это не происходит путем мгновенного перевода формализованных концептуальных ресурсов и методов. Вместо этого они решают задачу создания пиджинов – языков, позволяющих решать проблемы в пограничных областях. Эти особого типа языки не имеют исконных носителей, его назначение функционально – быть средством общения негомогенных субъектов в определенном ареале. Пиджинизация прежде всего проявляется в упрощении сложного языка-источника и может затрагивать фонологическую структуру.

Вопросом, является ли экспрессивность характерной чертой исключительно художественного освоения мира или принадлежит также научному мышлению, задается И. А. Скрипак и делает вывод о том, что в современной науке экспрессивность является существенной чертой научного дискурса, и его роль в настоящее время усиливается [13]. Экспрессивность научного дискурса обусловлена его диалогичной природой и призвана привлечь внимание. Под экспрессивностью понимается подчеркивание, акцентуация, эмфатическое выделение значимых элементов научного дискурса. Среди синтаксических средств экспрессивности выделяются повторы и основанные на них параллельные

конструкции, вопросительные и восклицательные высказывания, инверсия. Среди лингвистических средств преобладают метафоры, оценочная лексика и специфические фразеологические единицы. Что касается метафор, то в науке они выполняют роль аттрактора новых значений и смыслов, позволяющего выразить языковыми средствами неязыковые содержания посредством наглядных представлений [14].

Особенности устного полемического дискурса науки исследует М. С. Глушко [15]. Она выделяет способы аргументации, стратегии и тактики речевого взаимодействия. Полученные ею эмпирические данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, научная полемика не обладает строгой институционализацией в силу своего присутствия в других типах дискурса (деловом, учебном, телевизионном). Во-вторых, научная полемика представляет собой сложный эмерджентный процесс, включающий в себя кооперативное и конфликтное общение. В-третьих, ситуация научно-деловой полемики характеризуется компромиссом между научным и деловым дискурсом. В то время как деловой дискурс стремится к использованию точных научных формулировок и более сложных и развернутых положений, научный отмечен тенденцией к упрощению, ограничению использования специальной лексики. В-четвертых, особенностью публичных научных дискуссий, представленных СМИ, является большая эмоциональность и агрессивность (категоричность), в отличие от более толерантного характера дискуссий академических.

Вопрос о формировании лингвистического габитуса науки в самом общем виде раскрывается в творчестве П. Бурдые, где идея «лингвистического габитуса» вписана в ряд взаимосвязанных положений, основанных на критике представления, о языке как неделимом «всеобщем достоянии», в равной степени распределенном внутри каждого отдельного индивида, и связана с постановкой вопроса о социальных условиях приобретения (происхождения) языковой компетенции [16]. При ответе французский исследователь выдвигает ряд положений. Во-первых, он утверждает, что при отсутствии объективации (в частности письма) языки существуют только в практике, в форме относительно независимых языковых габитусов. Во-вторых, унификация и нормализация (стандартизация) языка обусловлена необходимостью обеспечения взаимопонимания. В-третьих, единство «языкового сообщества» есть политический проект, результат политического господства институтов, которые обеспечивают господствующему языку общее признание. В-четвертых, роль политической воли в процессе стандартизации языка ограничена

общей тенденцией унификации культурных ценностей. В-пятых, в процессе выработки нормализующего языка ведущая роль принадлежит образованию. В-шестых, суть образовательного процесса состоит в обесценивании обыденного языка, установлении иерархии языковых габитусов (узусов) и формировании специальной языковой компетенции. В результате «безупречный язык» предстает как отличный от обыденного – он искусствен и правилен. В-седьмых, процесс культурной унификации и символического господства предполагает «пособничество» со стороны тех, кто включен в эти процессы. Другими словами, эти процессы не следует описывать как пассивное принятие или свободное волеизъявление. Оно реализуется в практике и не сводится к циничному расчету или осознанной покорности. П. Бурдые пишет, что выбор габитуса «совершается бессознательно и без принуждения, вследствие диспозиций, которые, пусть и являются социально детерминированными, тоже сложились бессознательно и без принуждения» [16]. И наконец, отклонение от формального канонизированного языка продиктовано фактом существования социальных отличий, социальной конкуренции и борьбы. В теории П. Бурдые концепция социального взаимодействия, представленная действиями и противодействиями, дополняется указанием на их движущую силу, под которой понимается отклонение ради отличия.

Наряду с понятием «лингвистический габитус» П. Бурдые использует термин «лингвистический узус», который, видимо, является лингвистическим аналогом концепта «лингвистический габитус». В лингвистике триаду понятий «система – норма – узус» предложил Э. Косериус, обратив внимание на двусмысленность понятия «нормы» (дескриптивное-принятое и прескриптивное-должное) [17]. Под системой понимается совокупность средств и способов выражения, присущих какому-либо языку (например национальному). Под нормой понимается совокупность правил отбора внутри языковой системы, принятая в данное время и признанная большинством, которая реализует не все возможности, заложенные в языковой системе. Узус же располагается между системой и нормой и представлен самой речевой практикой. В нем реализуется то, что входит в языковую норму и одновременно не выходит за пределы системы языка. В этом смысле узус как бы перекрывает нормативные запреты и рекомендации и выходит к системным возможностям и потенциам языка. В науке примерами языкового узуса могут служить неологизмы, которые преодолевают сложившееся нормативное употребление и тем самым формируют новые возможности. Отношения нормы и узуса не обязательно носят форму конфликта и разреша-

ются либо в одну, либо в другую пользу. Несмотря на то, что языковая норма в большей степени консервативна, допускается совместное существование кодифицированных норм и узусных языковых практик.

В отличие от традиции считать языковые нормы инвариантными, современные исследования свидетельствуют о систематическом варьировании языковых структур под влиянием времени и социальных процессов. На то, что языковое поведение зависит от социальной позиции говорящего и подвержено изменениям, обратил внимание американский лингвист У. Лабов. И если первоначально варьирование не поддавалось систематическому анализу и оценивалось как случайное, то позже была выявлена его эмпирическая зависимость от социальной стратификации (образование, доход, вид занятия, возраст) и этнических особенностей [18]. В то время как некоторые авторы полагают, что подобная вариативность делает невозможным понимание, результаты исследований У. Лабова выявили языковую интеграцию на основе эквивалентности и атрибуций, общих для всех носителей языка.

Утверждая, что языковые изменения не могут быть адекватно поняты без знания о носителе языка, У. Лабов следующим образом описывал механизм языковой динамики [19]. Инициатором языковых инноваций выступают ограниченные языковые подгруппы, как правило, престижные. Затем эти изменения воспроизводятся другими подгруппами, расширяя тем самым сферу языковых новшеств,

в результате чего происходит перестройка языковой системы. Затем цикл возобновляется и повторяется. Следовательно, для языковых инноваций важен статус подгруппы, которая их порождает. Если подгруппа не занимает доминирующего положения, инновации, скорее всего, будут подвергаться критике, если же статус высок, инновации становятся образцом для других членов сообщества. Однако существуют исключения, когда рожденное в низкой среде также проникает в языковые практики других социальных групп. Наиболее важным в воззрениях У. Лабова является признание контекста, понимаемого не столько как экономические и социальные факторы, а в первую очередь ценностные (культурные). При этом следует признать правоту тех, кто является сторонником субстанционального подхода в трактовке языка. Язык действительно обладает своей внутренней логикой, и его инновации ограничены способностью к саморегуляции: функциональностью и самоочищением от излишней сложности. Другими словами, креативность речевого употребления имеет ограничения, обусловленные природой самого языка.

Подводя итог, можно предположить, что детальный анализ особенностей лингвистического габитуса науки может быть дополнен антропологическими исследованиями с их базовой категорией «языковая личность» и ее узусными формами. Примером может служить идея «интеллектуального субстиля», предлагаемая А. В. Болотным [20].

Список литературы

1. Woolgar S. On the alleged distinction between discourse and praxis // *Social Studies of Science*. Vol. 16. № 2. P. 309–317.
2. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
3. Medawar P. Is the Scientific Paper a Fraud? Experiment: A Series of Scientific Case. London: British Broadcasting Corporation, 1964. P. 7–13. URL: http://www.albany.edu/~scifraud/data/sci_fraud_2927.html (дата обращения: 7.10.2014).
4. Schickore J. Doing Science, Writing science // *Philosophy of Science*. 2008. Vol. 75. № 3. Pp. 323–343.
5. Швырев В. С. Язык науки // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001. 721 с.*
6. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя 1998. 160 с.
7. Харре Р. Социальная эпистемология: передача знания посредством речи // *Вопр. философии*. 1992. № 9. С. 49–60.
8. Latour B., Woolgar S. *laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*. Beverly Hills, 1979. 294 p.
9. Pinch T. The Culture of science and disciplinary rhetoric // *European Journal of Education*. 1990. Vol. 25. № 3. Pp. 295–304. URL: http://www.vlab.unn.ru/texts/Pinch_Culture_of_Scientists.htm (дата обращения: 05.08.2014).
10. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с.
11. Королева Н. В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 19 с.
12. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. № 1. С. 64–91.
13. Скрипак И. А. Экспрессивный синтаксис в текстах научного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 4 (22): в 2 ч. Ч. II. С. 170–173.
14. Иванова В. А. Семиотика языка науки в системном анализе научного знания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2011. 30 с.
15. Глушкова М. С. Устный полемический дискурс: особенности функционирования в научной сфере: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.

16. Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 23–35.
17. Косериус Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. Социоллингвистика. М.: Инostr. лит., 1963. С. 143–343.
18. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М.: Инostr. лит.: Прогресс, 1975. С. 320–335.
19. Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика. М.: Инostr. лит., Прогресс. 1975. С. 199–228.
20. Болотнов А. В. Интеллектуальный субстиль языковой личности и его особенности: лингвистическая интерпретация понятия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 62–69.

Иванова Н. А., кандидат философских наук, доцент.

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654041.

E-mail: ivanova-nkfi@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.11.2014

N. A. Ivanova

FEATURES AND “TRICKS” OF SCIENTIFIC LINGUISTIC HABITUS

The purpose of the article is to identify the features of scientific linguistic habitus. The author proceeds from the interpretation of science as a form of social practice and understanding of its subjective basis as a set of dispositions (scientific habitus). The linguistic habitus of science is defined as one of the sets of dispositions of the subject of scientific practice, acquired in a particular socio-historical context by taking into account the peculiarities of its carrier, and reflected the linguistic identity of a scientist to a particular tradition (educational, disciplinal, national, cultural). Responding to the question of how linguistic habitus is associated with an actual scientific practice, what specific nature it has and what the mechanisms of formation are, – the author, firstly, asserts the existence of a gap between the linguistic habitus of science and scientific practice itself. Secondly, the analysis of works of local researchers allows to refer intertextuality, expressivity and dialogueness identifying to the features of scientific linguistic habitus. Thirdly, the dynamics mechanism of scientific linguistic habitus is described on the basis of theories of P. Bourdieu and W. Labov.

Key words: *scientific practice, subject of scientific practice, linguistic habitus of science, intertextuality, expressivity, dialogueness.*

References

1. Woolgar S. *On the alleged distinction between discourse and praxis. Social Studies of Science*, vol. 16, no. 2, pp. 309-317.
2. Mikeschina L. A. *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of knowledge. Polemical Chapter]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 624 p. (in Russian).
3. Medawar P. *Is the Scientific Paper a Fraud? Experiment: A Series of Scientific case*. London: British Broadcasting Corporation, 1964. Pp. 7–13 URL: http://www.albany.edu/~scifraud/data/sci_fraud_2927.html (accessed 7 October 2014).
4. Schickore J. Doing science, writing science. *Philosophy of Science*, 2008, vol. 75, no. 3, pp. 323–343.
5. Shvyryov V. S. *Yazyk nauki* [The Language of Science]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow, Mysl Publ., 2001. 721 p. (in Russian).
6. Lyotard Zh. *Sostoyanie postmoderna* [The Condition of postmodern]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1988. 160 p. (in Russian).
7. Harre R. *Sotsialnaya epistemologiya: peredacha znaniya posredstvom rechi* [Social Epistemology: transfer of knowledge through speech]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 1992, no. 9, pp. 49-60 (in Russian).
8. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*. Beverly Hills, 1979. 294 p.
9. Pinch T. The culture of science and disciplinary rhetoric. *European Journal of Education*, 1990, vol. 25, no. 3, pp. 295–304. URL: http://www.v-lab.unn.ru/texts/Pinch_Culture_of_Scientists.htm (accessed 5 August 2014).
10. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics] Per. s fr. Moscow, “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2004. 656 p. (in Russian).
11. Korolyeva N. V. *Sredstva i sposoby realizatsii intertekstualnosti v nauchnom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Means and ways of realization of an intertekstualnost in a scientific discourse (on English material)]. Abstract of thesis cand. of leg. sci.] Pyatigorsk, 2004. 19 p. (in Russian).
12. Galison P. *Zona obmena: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy* [Trading Zone: Coordination of beliefs and actions]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Questions of History of Science and Technology*, 2004, no. 1, pp. 64–91 (in Russian).
13. Skripak I. A. *Ekspressivnyy sintaksis v tekstakh nauchnogo diskursa* [Expressive syntax in the texts of scientific discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and practice*, 2013, no. 4 (22): in 2 ch., ch. II, pp. 170–173 (in Russian).

14. Ivanova V. A. *Semiotika yazyka nauki v sistemnom analize nauchnogo znaniya*. Avtoreferat dis. ... d-ra filos. nauk [Semiotics of language science in the system analysis of scientific knowledge. Abstract of dis. dr. philos. sci.]. Novosibirsk, 2011. 30 p. (in Russian).
15. Glushkova M. S. *Ustnyy polemicheskij diskurs: osobennosti funkcionirovaniya v nauchnoy sfere*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Oral polemical discourse: the peculiarities of functioning in the scientific field. Abstract. dis. cand. philol. sci.]. Moscow, 2013. 24 p. (in Russian).
16. Burd'e P. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka [On the production and reproduction of legitimate language]. *Otechestvennye zapiski – Native notes*, 2005, no. 2, pp. 23–35 (in Russian).
17. Caserius E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchronic, diachronic and history]. *Novoe v lingvistike*. Vyp. 3. Sotsiolingvistika. Moscow, Inostrannaya literatura, Progress Publ., 1963. Pp. 143–343 (in Russian).
18. Labov U. Otrazhenie sotsialnykh protsessov v yazykovykh strukturakh [The reflection of social processes in language structures]. *Novoe v lingvistike*. Vyp. 7. Sotsiolingvistika. Moscow, Inostrannaya literatura, Progress. 1975. Pp. 320–335 (in Russian).
19. Labov U. O mekhanizme yazykovykh izmeneniy [On the mechanism of language change]. *Novoe v lingvistike*. Vyp.7. Sotsiolingvistika. Moscow, Inostrannaya literatura, Progress Publ., 1975. Pp. 199–228 (in Russian).
20. Bolotnov A. V. Intellektualnyy substil yazykovoy lichnosti i ego osobennosti: lingvisticheskaya interpretatsiya ponyatiya [Intellectual substyle of language personality and its peculiarities: linguistic interpretation of the notion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 9 (150), pp. 62–69 (in Russian).

Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University.

Ul. Ziolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 654041.

E-mail: ivanova-nkfi@mail.ru